

«Шептавшіеся люди представляли собою олицетвореніе крайняго испуга. Многія женщины плакали, многія сердились и били тѣхъ, кто подвергивался имъ подъ руку: было ли то животное, ожидавшее подачки, или привыкшее къ ласкамъ дитя—и, вообще, на всемъ селѣ лежала печать унынія и невыносимой тоски» (т. I, стр. 592).

Можетъ показаться каррикатурнымъ преувеличеніемъ, что заведеніе по селамъ училищъ представлялось, наконецъ, народу въ связи съ приходомъ антихриста... Однимъ казалось, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы брать въ полки бабъ и дѣвокъ:

«У пылающей печки, опершись на рогачъ, стоитъ мать,—передъ ней стоитъ сосѣдка съ глазами, свѣтящимися въ одно и то же время и печалью и любопытствомъ.

Обѣ онѣ шепчутся о чемъ-то странномъ, чего прежде я никогда не слыживала. Сквозь слезы онѣ, торопливо перебивая другъ друга, толкуютъ о какой-то *школѣ*, о какомъ-то *ужбилиншѣ*, куда скоро потянутъ всѣхъ до единого: и мужиковъ, и бабъ, и парней, и дѣвокъ; а оттуда, какъ только высмотрятъ, кто посильнѣе, того сейчасъ въ солдаты...

— Што ты мелешь пустое!—тихо возражаетъ сосѣдка матери.— Да ину пору наша сестра-баба куда здоровѣе мужика выходитъ! Стало такую и тащи въ солдаты...

— Стало и потащутъ,—утвердительно отвѣчаетъ мать:—потому приказъ такой вышелъ, чтобы были полки такіе—изъ бабъ и дѣвокъ. На то на самое и *ужбилиншя* энти открываютъ по селамъ.

— Да што же, у нихъ мужичинской-то силы мало, што-ли?

— Да должно мало! Не хватаетъ, надо полагать... Должно еще и бабья шкура повадобилась...

Съ нечи слышится протяжный и дребезжащій голосъ бабки, которая тоже, въ свою очередь, подстаетъ къ разговору.

— Это вотъ, должно, какъ передъ французомъ слухи тоже прошли,—протягиваетъ она.—Быть набору съ дѣвокъ и бабъ безпремѣнно, потому, говорить, однимъ мужикамъ съ *имъ* совладать никакъ невозможно. Онъ тогда—французище-то энтотъ,—такъ то ли наступать люто!» (т. I, стр. 593—594).

Другіе прямо разсуждаютъ объ антихристѣ:

«Всѣ эти наводненія идутъ отъ *него*, который уже теперь родился, и который, будучи теперь только трехъ годовъ, уже разрываетъ на себѣ однимъ махомъ по семи кованыхъ желѣзныхъ цѣпей...

— По иностраннымъ землямъ онъ уже давно пошелъ, — слышится мнѣ.— Въ Москвѣ всѣ говорятъ... Тамъ знаютъ...

— «Далеко еще, слава Богу! Только есть ужъ и у насъ кое-что эдакое... Напускъ наводитъ и на насъ... Табакъ, вонъ, сперва напустилъ, — за нимъ, вонъ, картошка пошла, тыква, ну, а теперича вотъ сами видите... Теперича желательно ему *ужбилиншѣй* насъ оплестъ. Въ короткихъ сертукахъ учить-то насъ попринаѣдутъ... Сказано: разлетятся, передъ послѣднимъ концомъ свѣта, по всѣмъ градамъ и селамъ птицы съ желѣзными носами...» (Тамъ же, стр. 601—602).

Страхи были совершенно напрасны: когда наконецъ настало